

Кёнигсбергские рассказы

Великие торговые пути Балтики

Когда мы говорим: «Великий торговый путь», то перед мысленным взором возникают караваны, уходившие по Великому шёлковому пути», вспоминаются книги о путешествиях Марко Поло или Афанасия Никитина. А когда упоминают о торговых связях балтийских стран, то называют, прежде всего, Ганзу. Но задолго до Ганзы, и столетия после неё, существовали великие торговые пути Балтики, проходившие и через земли, которые мы называем самой западной областью России.

Среди важнейших торговых пунктов был прусский Кауп. Историческая справедливость требует, чтобы, обращаясь к истории балтийской торговли, обязательно вспоминали о народе, который исчез с лица земли, но которому принадлежал янтарный берег Балтики. Это, конечно, пруссы. Как правило, это были худощавые, энергичные люди, прекрасные наездники, храбрые воины. Они растили хлеб и из бедной медью породы умели выплавлять металл. Они знали о любви к янтарю и римлян, и арабов, и людей из далеких восточных краев, поэтому главным товаром пруссов стал янтарь.

Именно через Кауп шли торговые пути на запад, вплоть до Аппенинского полуострова, на восток – к арабским странам. В Кауп прибывали товары из Новгорода и из шведской столицы Сигтуны.

Торговые связи с Русью были очень прочными. В Новгороде Великом была Пруская улица в той части города, что называлась Людин конец. На ней жили прусские купцы, сознававшие ценность янтаря. Они вели широкую торговлю камнем, который называли «гинтарс». Недаром знаменитый арабский географ Идриси писал о Каупе как о «Гинтийаре». Посланцы новгородского князя посещали прусские земли, приглашали воинов на службу. Русские купцы тоже появлялись здесь со своим товаром – изделиями кузнецов, мехами.

И в древности велась жесточайшая конкурентная борьба, и в древности применялись методы, напоминающие о «заказных» убийствах, об устранении конкурентов, о современной войне «табачных королей». В древности, пожалуй, только масштабы были покрупнее. Не владельца компании отправляли к праотцам, а целый город уничтожали. Именно так поступили датчане с Каупом.

Вступивший на датский престол Канут Могучий сразу же организовал поход и сжег центр прусской торговли, избавившись тем самым от сильного конкурента. Это произошло в 1016 году.

Конечно, подобные войны велись не только против пруссов. Борьба за существование торговых центров на Балтике была безжалостной. Шведские корабли часто нападали на новгородские купеческие суда. Поэтому новгородцы стали вооружать торговые корабли, доводя постепенно их военное оснащение до такого уровня, что, вступая в бой со шведской эскадрой, купцы обращали ее в бегство.

Например, в 1142 году шведский король Сверкер Колзонь и упсальский архиепископ Ескиль организовали разбойничье нападение на новгородский купеческий караван, состоявший из трех ладей. Между прочим, иерарх католической церкви не отговорил короля от грабежа, а принял деятельное участие в нарушении заповеди «Не укради».

Итак, русские торговые люди возвращались Балтийским морем из прусских земель. Им навстречу были высланы новгородские суда, поскольку замашки короля были известны. Корабли противников встретились. Новгородцы воевали решительно, они потопили три из шестидесяти шведских шнеккеров. Шведы обратились в бегство.

А через 15 лет шведский король Эрик, завоевав Финляндию, осадил Ладогу – первую на Руси каменную крепость. Шведские крестоносцы увидели укрепления, подобных которым не встречалось в Скандинавии. Пять дней военачальники обдумывали, как взять твердыню, а шведское войско тем временем занялось грабежом окрестных сел. Но недолго длилось их веселье. Князь Святослав подоспел со своей дружиной, разгромил вражеское войско, захватил в плен 43 корабля из 55 судов. Эти события произошли в 1164 году.

После очередного нападения шведов на Ладогу – крепость, прикрывавшую Новгород с моря, новгородцы в свою очередь отправились в поход на Сигтуну – столицу и торговый центр Швеции. Шведы не стоили фортификационных сооружений, полагая, что топкие болота не позволят напасть на их столицу. Конечно, закованные в латы западноевропейские рыцари не рискнули бы переправляться через топи. Но одетые в крепкие, но легкие кольчуги русские воины знали как пробираться через трясины с помощью «мокроступов». Так же, как и их далеких потомков в Белорусских лесах в годы Великой Отечественной войны ни болота, ни укрепления не остановили. Сигтуна была сожжена и больше никогда не восстановилась. Новую столицу – Стокгольм – построили в другом месте.

Среди трофеев, захваченных новгородцами, были бронзовые церковные врата, покрытые рельефными изображениями сцен из Библии. В настоящее время они украшают западный фасад Новгородского Софийского собора.

Взаимные набеги уничтожили и другие торговые центры. К XIII веку Великие торговые пути Балтики пришли в упадок.

В том же XIII столетии некоторые немецкие города, заинтересованные в торговле на Северном и Балтийском морях, начали образовывать союзы.

Особенно энергично действовал город Любек, чьим торговым «филиалом» была, например, Рига. В 1241 году Любек и Гамбург заключили договор, ставший ядром Ганзейского союза. Затем к этому союзу присоединился Бремен и «процесс пошел».

Помня о торговом центре Кауп, через который шла бойкая торговля, магистрат Любека решил создать свой «филиал» на прусских землях. С этим предложением он и обратился к Тевтонскому ордену, который уже был нацелен на захват прусских земель. Сущность инициативы Любека заключалась в идее создать своего рода компанию, «акционерное общество» по такому богоугодному делу, как построение в устье реки, называвшейся пруссами Прегорой, города, вроде Риги. Для этого требовалось совсем немного – прибрать к рукам обширную территорию, почему-то заселенную язычниками.

С одной стороны, орден нуждался в союзниках в предстоящей агрессии. С другой стороны, какой разбойник хочет делиться добычей? А аппетиты у Любека были немалые. Купцы желали получить богатые земли, построить торговый город и ввести в нем любекское городское право.

Во всяком случае, ландмейстер Ордена Генрих фон Рида отправил в магистрат Любека письмо, в котором сообщал, что он узнал об их желании основать на земландском побережье свободный портовый город с любекским правом, и он охотно *позволяет* сделать это. Как видим, крестоносцы весьма великодушно раздавали чужие земли.

По договору с католической церковью в лице папского легата, Орден должен был получить две трети земель и всей добычи. Треть уходила епископу. Даже в формулировках не стеснялись – «добыча» и все тут.

От своих двух третей земель Орден обещал отдать половину Любеку. «В городе, - писал ландмейстер, - пусть будет любекское право, но двор крепости, принадлежащей ордену, будет свободен от городского судопроизводства». Там во дворе, предполагалось казнить и миловать решением орденских властей.

Вне города ландмейстер оговаривал свое право на «два плуга» в каждом участке любекцев, т. е. урожай с меры земли, обозначенной в «два плуга», должен был поступать в закрома Ордена.

Кроме того, ландмейстер требовал ежегодно с каждого участка, принадлежавшего любекцам, один кельнский пфенниг в год и две меры воска, а с каждого немецкого плуга по одной мере пшеницы и ржи в кульмском измерении, а также по мере пшеницы и ржи с каждой польской или прусской сохи. Это был немалый налог, позволявший Немецкому ордену набить закрома и заниматься торговлей, продавая эту рожь и пшеницу.

Еще ландмейстер требовал, чтобы избрание судей и других должностных лиц в городе согласовывалось с Орденом, и чтобы был заключен союз с Любеком против язычников и христиан-отступников.

Дело было в 1242 году, тяжелом для крестоносцев, потерпевших сокрушительное поражение от Александра Невского в Ледовом побоище. Пруссы воспряли духом и начали восстание.

Компаньонам стало не до основания нового города. Когда в 1246 году представители Любека захотели продолжить дело и прибыли в Пруссию, ландмейстер Тевтонского ордена Поппо фон Остерн уже пересмотрел прежние договоренности и отказался от обещаний о совместном основании города, подписанных его предшественником.

Магистрат славного города Любека не согласился с нарушением данного слова и обратился в третейский суд, который возглавлял епископ Хайденрайх из Кульма. В марте того же 1246 года суд вынес решение о строительстве города в устье Прегеля. Любеку разрешалось участвовать в возведении нового города, но основателем должен был считаться Орден.

По-видимому, и в те времена действовало нечто вроде лоббирования интересов «своих». Во всяком случае, епископ из Кульма принял решение о том, что управляться будущий город будет на основе Кульмского права, принятого на территориях, подвластных Ордену, а не на основе любекского права, принятого в ганзейских городах. Представители Любека убеждали судей, что любекское право было дано уже Эльбингу, Браунсбергу и в 1252 году Мемелю, и нет резона в «филиале» Любека устанавливать нечто другое. Но Орден на суде добился нужного ему решения и вообще намекнул, что о филиале речь не идет.

Тевтонский орден оговорил и строительство крепости, что означало военное и политическое господство в данном регионе. Любек смирился и принял эти условия.

Но и тогда к основанию города не приступили, так как пруссы вовсе не собирались покорно ждать действий пришельцев. В 1249 году пруссы разгромили тевтонское войско. Орден призвал под свои знамена рыцарей из разных немецких земель и обратился к папе римскому с просьбой о помощи.

В конце 1254 года тевтонские войска, которыми по поручению папы римского командовал чешский король Оттокар II, начали мощное наступление на пруссов. Именно Оттокар Богемский в январе 1255 года вышел со своим войском к устью Прегеля и приказал заложить крепость на горе Твангсте, которую позже в его честь назвали Кенигсбергом.

Начиналась новая эпоха на древних землях, начинался новый этап торговых взаимоотношений.

Рыцари – купцы

1263 год. Гонец доставил в крепость Кенигсберг послание комтуру от великого магистра Тевтонского ордена.

- Клянусь пяткой святого Адальберта, - возмущенно вскричал комтур, дочитав свиток до конца, - папа вмешивается не в свое дело!

Члены конвента, собравшиеся возле очага, молча смотрели на своего председателя, ожидая разъяснения причин столь бурного возмущения. Комтур оглядел братьев и уже спокойнее сказал, что к посланию магистра приложен текст буллы папы Урбана IV, который запрещает Ордену Девы Марии, т. е. Тевтонскому ордену, заниматься торговлей.

Рыцари-монахи, составлявшие конвент, переглянулись. Молчание нарушил брат Конрад:

- Конечно, негоже рыцарям пречистой Девы Марии мараться торговлей, купцы, как известно, народ лукавый, без обмана ни шагу не ступят. Но не сможем мы без торговли волю Божью исполнить, язычников в страхе держать, в христианство их привести, ибо без торговли не будет у нас ни оружия, ни одежды, ни доброй пищи и вина.

Братия одобрительным шумом поддержала Конрада. В самом деле, подданные Ордена в качестве налога доставляли продукты, так что рыцари голодными не сидели. Однако в Пруссии не производились ни ткани, ни оружие, ни вино, ни специи, к которым рыцари приохотились в крестовых походах. Все это орден получал, продавая пшеницу, полученную в виде налога, но главным образом, торгуя янтарем. На янтарь у Тевтонского ордена была полная монополия: всякого, кто захотел бы продать кусочек солнечного камня, без разговоров вздергивали на ближайшем дереве.

- Клянусь мизинцем святого Адальберта, - подвел итог обсуждению комтур, - не можем мы прекратить торговлю без ущерба для нашей великой миссии – нести и защищать веру Христову от язычников.

На том и порешили. В последующие годы рыцари продолжили коммерцию, набираясь опыта, расширяя ее пространство. Тевтонский орден становился всё более богатым и могущественным.

Столетие спустя, в 1360 году, в зале Орденского замка комтур собрал конвент для оглашения указа великого магистра Винриха фон Книпроде. Весомо звучали слова:

«... за заслуги свои город получает права на хранение транзитных товаров».

И наполнялись сердца рыцарей радостью, ибо означал этот указ, что все товары, ввозимые в Пруссию, или вывозимые из нее, будут обязательно доставлять в город и хранить на принадлежавших Ордену складах, в амбарах, погребах. И потекут деньги в орденскую казну.

Братья, - продолжил свое сообщение комтур, - *с сегодняшнего дня вводятся две новые должности. Это уполномоченный по хлебу и*

уполномоченный по янтарю. Подчиняться они будут маршалу Ордена. Каждому в помощь даются агенты и комиссары

Легкое движение в зале заставило комтура прервать речь. Он медленно прошелся взглядом по лицам рыцарей, стараясь предугадать их реакцию на новшество. У всех в глазах было спокойное ожидание продолжения выступления комтура, никто не выдал нетерпения или стремления получить новую должность.

- Агентам поручается отыскивать товар, производить осмотр и докладывать уполномоченному. Комиссары будут закупать и принимать товары. И не дай Бог им ошибиться, наказание будет суровым, - завершил свою речь комтур.

Рыцари внимательно выслушали комтура, угроза наказания не смутила их, даже не привлекла особого внимания, так как они и без предупреждения знали о требованиях к исполнителям.

Главное – появилось новое поле деятельности, открывались новые возможности. Это поле деятельности простиралось на западе от Мариенбурга (Мальборка) до Фландрии и Англии. А на востоке шла оживленная торговля с Новгородом. Комиссии, которые отправлялись в Новгород, часто снабжались государственными деньгами, причем очень большими по тем временам. Документы с почтением говорят о том, что счет достигал 2585 марок, а марка равнялась 5 талерам. В Новгороде закупались меха, русская обувь, кузнечные изделия, воск и т.д.

На юге ареал торговли распространялся до Лемберга (ныне Львов), откуда армянские купцы везли янтарь в страны Азии

Через Кенигсберг Орден вывозил воск, медь, смолу, щелочную золу, лес, а также рожь и пшеницу. Из Голландии и Англии импортировал сукно, бумагу, специи, и, даже, до поры до времени, пиво.

Для хранения товаров Орден имел хорошо организованное складское хозяйство: амбары, погреба, всякие хранилища. А еще Орден имел доленое участие в купеческих кораблях, но оно, обычно было меньше 50%, так как мореплавание считалось рискованным делом, а орденские коммерсанты не любили рисковать без особой нужды.

Рыцари-купцы организовали даже свой филиал в Эльбинге. Этот филиал они называли малой кенигсбергской торговлей.

В общем, в XIV веке Тевтонский орден стал мощной торговой организацией, с которой нелегко было конкурировать, но соперник все же нашелся.

В том же столетии, в 1367 году, окончательно оформился Ганзейский союз. Торговые дворы и конторы Ганзы находились в германских городах, в Англии, во Франции, в Нидерландах. Надежным партнером Ганзы был Новгород. Ганза стремилась к торговой монополии на территории европейских государств, и, поскольку в ее состав входило до 90 городов, представляла грозную силу, с которой государства считались. Ганзейский союз имел свою казну и военно-морские силы, что позволяло вести войны со скандинавскими странами за господство в северных морях. Естественно, что

города Альтштадт, Лебенихт, Кнайпхоф, имея поддержку Ганзейского союза, в состав которого они входили, должны были вступить в конкурентную борьбу с Орденом. И это, конечно, произошло.

Госпиталь Святого Георга

История госпиталя Святого Георга началась в 1329 году. Перенесемся в то время, в осенний тихий день.

К Альтштадтским Каменным воротам, старейшим в городе, подошел человек, закутанный в ткань, когда-то бывшую белой. На голове у него был мешок с прорезями для глаз. В правой руке он держал посох. В левой у него был колокольчик, надтреснуто позвякивающий при каждом шаге. Увидев его, стражники, стоявшие у ворот, перекрестились:

- Прокаженный!
- Его прикосновение - смерть!

Выставив вперед алебарды, они преградили путнику дорогу. Он подошел вплотную к ним и скрипучим голосом, глухо прозвучавшим из-под закрывавшего голову мешка, сказал:

- Я рыцарь Ульрих фон Ашенбах. Я должен увидеть брата Хуго, рыцаря Тевтонского ордена.

- Мы доложим комтуру. Но пустить тебя не можем. Ступай в госпиталь Святого Георга, построенный в этом году господином нашим Великим магистром, доблестным Вальтером фон Орзельном для таких, как ты.

Стражники подробно рассказали рыцарю, как добраться до госпиталя Святого Георга, т. е. до лепрозория, расположенного за пределами Альтштадта, за Прегелем. И он побрел к зданию, в котором ему так же, как и другим рыцарям, подхватившим проказу в походах в Святую землю, предстояло окончить свои дни.

Это здание горожане старались обойти стороной, опасаясь заразы. Рядом не строили дома, не рассаживали огородов. Так продолжалось десятилетия.

В 1433 году сильный пожар охватил госпиталь. Большая толпа добрых бюргеров собралась поглазеть на это зрелище. Из здания неслись крики, просьбы о помощи, проклятия. Одна женщина, стоявшая рядом с огромным детиной, не выдержала:

- Надо помочь несчастным! – воскликнула она.
- Позовите рыцарей, пусть вытаскивают своих братьев, - поддержал ее богато одетый господин.

Но тут же раздались голоса, напоминающие, что в огне находятся прокаженные, что зараза выйдет наружу и охватит город. Все замолчали и глядели на огонь, быстро завершавший свое дело. Крики прекратились, языки пламени с жутким гудением взметнулись к небу, и здание рухнуло, рассыпавшись искрами.

По приказу комтура Тевтонского ордена на этом же месте снова возвели строения госпиталя Святого Георга, и снова больные рыцари поступали

сюда. Не все были прокаженными, но любая их болезнь представлялась смертельно опасной для окружающих, поскольку предполагалось, что в походах они сталкивались чем-то ужасным и непостижимым. Поэтому многие братья ордена Девы Марии Тевтонской заканчивали жизнь в этом мрачном месте.

В 1520 годов опять возник страшный пожар, уничтоживший госпиталь. Господа советники из всех трех городов – Альтштадта, Лёбенихта и Кнайпхофа – собрались в ратуше Кнайпхофа. Они обсуждали, стоит ли восстанавливать здание.

По мнению многих жителей, огонь очистил его от скверны, поэтому решили построить госпиталь заново.

Строение было восстановлено, к нему добавились новые небольшие домики и церковь. С 1531 года госпиталь стал монастырем, но больные продолжали находить в нем приют и уход.

В 19 веке решили, что постройки госпиталя Святого Георга не соответствуют требованиям современной медицины. Городской совет Кенигсберга поручил городскому строительному мастеру Вормсу спроектировать новое здание. Архитектор задание выполнил, и в 1894-1997 гг. на Турнерштрассе, 4 (ныне ул. Краснооктябрьская, 3) появилось впечатляющее здание монастырского типа.

В годы первой мировой войны в госпитале лечился Рихард Зорге, будущий знаменитый советский разведчик, будущий Герой Советского Союза, так что и с нашей историей госпиталь Святого Георга оказался связанным.

Поврежденное в ходе боев апреля 1945 года здание было восстановлено. При этом произошли, в основном, внутренние изменения, поскольку в строении разместилось Калининградское среднее мореходное училище, но старинный внешний облик здания сохранился, его две высокие башенки далеко видны.

Когда гости, приезжающие к вам, уважаемые читатели, будут спрашивать об этом здании, не забудьте его долгую историю.

Смерч над городом

Летом 1406 года миннезингер Освальд фон Волькенштайн в очередной раз прибыл в Кенигсберг. Как оруженосец, а затем как воин, он уже принимал участие в «путешествии» в Литву. Он хорошо представлял себе, что ожидает воинство на литовской земле. Сначала битва с литовцами, затем грабеж селений, а потом посвящение в рыцари молодых оруженосцев. Он и не стал бы ввязываться в это дело, но старый граф фон Ханнеберг просил миннезингера присоединиться к свите его сына, впервые отправившегося на поиск приключений и за славой в Литовский поход.

С раннего утра Освальд фон Волькенштайн был на ногах. Он хотел пройти по городу, поговорить с купцами, прибывшими из дальних краев,

расспросить их о том, что делается в их землях. Миннезингер шел легким шагом, поглядывая по сторонам, и постепенно тревога охватила его. Он увидел, что собаки, поджав хвосты, стараются забраться в укромное место, забиваются под лестницы, ведущие в дома. Непокойно ведут себя лошади.

Волькенштайн прислушался и не услышал привычного чириканья воробьев, пения птиц. Он огляделся и понял, что птицы спрятались. По старой воинской привычке Волькенштайн решил не оставлять без внимания эти знаки, и тоже поспешил в укрытие. Он приблизился к трактиру, открыл тяжелую дубовую дверь и вошел в помещение, в которое едва проходил свет из маленьких, похожих на бойницы окошек.

Трактирщик, не говоря ни слова, поставил перед ним большую кружку пива. Волькенштайн благодарно кивнул и спросил, не кажется ли хозяину, что надвигается гроза или сильный ветер. Трактирщик приоткрыл дверь, посмотрел в потемневшее небо, и согласился с гостем.

Появились еще посетители, которые тоже предположили, что будет дождь, и решили переждать его в хорошей компании. Застучали кружки, голоса становились громче. И вдруг жуткий звук ворвался в трактир.

Люди вскочили с мест, бросились к окнам и увидели, что небо заволкло тучами, ветер непривычно страшно гудел. И тут через окно, выходящее на Прегель, через окно, в которое были видны огороды горожан, Волькенштайн увидел летящую по воздуху повозку вместе с лошадьёю. За колесо держался человек, которого вихрь мотал из стороны в сторону.

- Видели? – охрипшим голосом спросил трактирщик.

Волькенштайн кивнул, не в силах произнести ни слова. В трактире воцарилась тишина...

На следующий день только и разговоров было о пронесшемся вихре. К обеду в трактире собрались все свидетели страшного происшествия. Туда же прибежал молодой подмастерье из гильдии шорников и, волнуясь, сообщил, что нашли мертвую лошадь и телегу. А хозяин повозки исчез, должно быть, смерч унес его прямо в преисподню.

Освальд фон Волькенштайн покачал головой, не соглашаясь с этим заключением.

- Мне жаль этого парня, - сказал он, - может быть, он торопился домой, к молодой жене, погонял коня, и ему казалось, что он летит на крыльях любви, а мчался он к смерти...

Миннезингер замолчал, он вдруг понял, что уже сочиняет балладу.

Легенда старой кирхи

В городе, которому уже исполнилось 750 лет, было множество легенд и историй, представлявших добропорядочным бюргерам жуткими, леденящими кровь. Особенно много таких историй рассказывали о самых

старых кирхах. Одну из старых легенд не раз рассказывала нянька кудрявому Мартину, сыну кенигсбергского аптекаря.

- Давным-давно, еще при герцоге Альбрехте, приехал в Кенигсберг ученый человек Андреас Осиандер. Был он алхимиком, знался с нечистой силой. И научил его дьявол, как людей от церкви христовой к лукавому переманивать. Прибыл Осиандер ко двору герцога. Представился пастором, и дал ему герцог Альбрехт приход.

- Няня, а разве герцог не знал, что Осиандер не настоящий священник?

- Ах, Мартин, дьявол помог Осиандеру обмануть Правителя. И вот стал лже-пастор проповедовать. Но другие священники усмотрели в его речах ересь и искушение, в которое он вводил прихожан, и разоблачили его.

- Няня, а как они определили ересь?

- Мартин, не перебивай. Священники видели, что Андреас Осиандер странные книги читает, они раскрыли дьявольские козни.

- А он узнал, что пасторы знают правду?

- Дьявол узнал и рассердился, что Андреас не сумел победить священников. И тогда темной-темной ночью он явился к Осиандеру и свернул ему шею.

- А герцог узнал об этом?

- Нет, поэтому он разрешил похоронить пастора Андреаса в Альтштадтской церкви. И вот прошло немного времени после похорон, и старый церковный сторож увидел, как явился дьявол и забрал Осиандера из могилы. И унес его к себе.

Мальчик представил себе мчащегося в ночном небе дьявола, уносящего ученого, задрожал от страха и юркнул под одеяло.

Вот такая легенда ходила в Кенигсберге. Реальности в ней было немало. Прежде всего, Андреас Осиандер, выходец из Франконии, действительно был известным ученым, теологом, сторонником Мартина Лютера. Герцог Альбрехт пригласил его в Кенигсберг, надеясь, что красноречие и убежденность этого евангелического богослова привлекут к протестантизму новых сторонников.

Однако прибывшие из разных германских земель теологи – сторонники Лютера, были людьми энергичными, амбициозными, каждый из которых считал только себя обладателем истины. А потому они воевали друг с другом, и во время проповедей все эти пасторы изо всех сил поносили друг друга, не стесняясь в выражениях.

Как они ругались, можно представить, зная о том, что в те же годы сцепились еще два сторонника Реформации – саксонский курфюрст Иоханнес Фридрих и брауншвейгский герцог Генрих. Полемику они вели при помощи книг, лично написанных и изданных в своих владениях. Вот заголовок одной из них:

**Ответ его высочества герцога
и саксонского курфюрста Иоханнеса Фридриха**

проклятому преступник, антихристу, богохульнику, гадине Варнаве и брауншвейгскому сукину сыну Олоферну, называющему себя герцогом Генрихом, по поводу его бесстыдно подлой и лживой книги, которую он отрыгнул в печати.

Лейпциг. 1541.

Отклик он получил не менее красочный, под заглавием:

Ответ Генриха, герцога Брауншвейга и Люнебурга
некоему мародеру, называющему себя герцогом Иоханнесом
Фридрихом, лживой саксонской морде, прихвостню шлюх.
Вольфенбюттель. 1541.

Ясно, что если герцоги в печати так поносили друг друга, то, войдя в раж во время своей полемики в виде проповедей, Андреас Осиандер и его противники, выражались не менее энергично, при этом, разумеется, обвиняя друг друга в сношениях с дьяволом.

Неудивительно, что когда от чумы 1549 года Осиандер умер, его недоброжелатели, и прежде всего настоятель Кафедрального собора Кнайпхофа И. Мёрлин, распространили слух о том, что дьявол, недовольный результатами работы пастора Андреаса, свернул ему шею. Слух достиг ушей герцога Альбрехта, и тот велел выставить тело Осиандера в Альтштадтской кирхе, чтобы люди могли видеть, что шея и голова на месте.

Но и на этом дело не кончилось. Через три года после смерти Осиандера появилась та самая легенда, которую нянька рассказывала Мартину, и когда в 1552 году вскрыли могилу Андреаса Осиандера в старой Альтштадтской кирхе, то тела там не оказалось...

Преступление и наказание в старом Кенигсберге

В последние годы, если не ежедневно, то все же очень часто в газетах сообщается о «бытовухе»: то муж по пьянке убивает жену, то сам становится жертвой семейных разборок, брат бьет брата смертным боем, приятели выясняют отношения предельным способом. Многие говорят, что время наступило такое жестокое, вот раньше.... В самом деле, как было раньше, в давние времена, в городе, которому исполнилось семь с половиной веков?

Итак, Кенигсберг, Кнайпхоф, 1530 год.

Ранним утром Анна, кухарка священника Кафедрального собора отправилась на рынок и по пути завернула к сестре Марте, чтобы пойти вместе сделать покупки. На ее стук в дверь дома никто не ответил, что

очень удивило Анну. Поэтому она не поленилась заглянуть к сестре и на обратном пути. Анна колотила в дверь, стучала в окно, снова кулаком била по двери, но в доме стояла тишина.

Это не на шутку испугало кухарку, и она со всех ног помчалась к пастору, у которого служила. Поставив корзину с провизией на кухне, она постучала в кабинет священника. Получив разрешение войти, Анна осторожно приоткрыла дверь и неожиданно для себя всхлипнула:

- Господин пастор, что-то случилось у Марты. В доме тишина, никто на стук в дверь не отвечает, я не знаю, что делать...

Святой отец подошел к сообщению со всей серьезностью и, призвав на помощь своего племянника и соседа-булочника, отправился к дому, где с мужем и взрослым сыном от первого брака по фамилии Вегнер жила сестра кухарки.

Честная компания через сад прошла к задней двери, оказавшейся не запертой. Это вызвало большое беспокойство у пастора, он предложил вызвать представителей властей, но его племянник уже вошел в кухню, за ним последовал булочник, а за ним и священник.

Их взорам предстало ужасное зрелище: Марта и ее муж лежали в лужах крови, и лом, орудие убийства, был брошен на труп несчастной женщины.

- Надо найти Вегнера, - прервал потрясенное молчание булочник.

- Надо сообщить судье, - отозвался пастор.

Решили сначала сообщить в магистрат Кнайпхофа, а уж судебские сами знают, что делать.

Несколько часов спустя стражник, посланный на поиски сына Марты, обнаружил того в пивной. Стражник, человек простой и манерам не обученный, громогласно объявил Вегнеру о случившемся. Все посетители пивной с ужасом и сочувствием уставились на осиротевшего парня. И вдруг девушка, подававшая пиво, издала вопль:

- Смотрите, смотрите, у него башмаки в крови!

Вегнер рванулся к выходу, но стражник не оплошал, он вцепился в него мертвой хваткой, да и остальные бросились на парня. Доставленный в ратушу он сознался в убийстве матери и отчима во время ссоры.

Убийцу посадили на осла и провезли по всем трем городам – Кнайпхофу, Лебенихту, Альтштадту. Толпы людей вышли на улицы поглазеть на преступника. Вслед супостату неслись проклятия, особенно возмущенные женщины подбегали поближе и плевали на преступника.

Процессия вернулась на Кнайпхоф, и здесь на площади перед ратушей состоялась казнь. Палачи из всех трех городов в присутствии горожан раскаленными щипцами разорвали Вегнера на части.

О преступлении и казни Вегнера еще долго судачили горожане. Лом, которым было совершено убийство, поместили в ратушу Кнайпхофа. Там он и хранился в течение нескольких столетий. Он находился в углу левой ниши барочной лестницы ратуши, и посетители зачастую останавливались, читали надпись и ужасались страшному деянию человека, поднявшего руку на мать.

В 1925 году лом украли. Но поскольку он стал известной достопримечательностью, то изготовили копию и выставили ее на прежнем месте, как память об эпохе, о преступлении и наказании в старом Кенигсберге.

Во время налета английской авиации в августе 1944 года ратуша превратилась в руины, в которых затерялся и лом.

С Длинной колбасой в новое столетие

В 1601 году новогодние праздники в Кенигсберге были особенно пышными. Горожане и знатные, и простые, и дети, и взрослые встречали не просто Новый год, но новое столетие. Каждый считал себя избранником судьбы, которому довелось пересечь грань веков. Готовились к своему ежегодному шествию с Длинной колбасой и мясники. Они решили поразить сограждан небывалыми размерами знаменитой новогодней колбасы.

Мастер Готфрид, старшина цеха мясников, придирчиво осматривал свиные окорока, выбирая подходящие для Длинной колбасы. Наконец, он отобрал 31 окорок, которые и были использованы для ее приготовления.

Затем он перешел в помещение, где сшивали оболочку. Мастер Готфрид несколько раз повторил свое указание делать работу тщательно, напомнил, что в этот раз колбаса должна быть самой длинной в истории города. Смирно сидевший в уголке мальчишка, вдевавший нитки в иголки для сшивания кишок, являвшихся оболочкой колбасы, тут же спросил:

- А когда сделали самую первую Длинную колбасу?

Поскольку мальчишка был не чужой, а родной племянник, которому предстояло стать членом гильдии мясников, да и мастер, был не прочь поговорить о колбасе, то он, усевшись на прочный стул, начал рассказ:

- В наших хрониках записано, что в новогодний праздник 1520 года мясники прошли процессией по всем трем городам – Кнайпхофу, Лебенихту, Альтштадту. Они несли в Замок колбасу длиной 41 аршин. Это было подношение Великому магистру. А в 1525 году, когда он стал нашим первым герцогом, мясники пронесли колбасу уже в 100 аршин длиной. Герцог Альбрехт был очень доволен.

- И все-то Вы знаете, господин Готфрид, - с восхищением сказал молодой работник, усердно делавший свою работу.

Мастер Готфрид оглядел присутствующих и увидел в глазах членов своей гильдии неподдельное почтение. Это вдохновило его на продолжение рассказа:

- Каждый год колбаса становилась длиннее и длиннее, и в 1535 году уже достигла, дай Бог памяти, 203 аршин. А в 1540 году по городу прошла процессия, которая несла Длинную колбасу. Эта колбаса от начала до кончика составляла 302 аршина

С этими словами мастер поднялся, еще раз оглядел работников и, наказав аккуратно все делать, вышел из помещения.

- Эх, на самом интересном месте остановился господин Готфрид, - вздохнул мальчишка, начавший расспросы.

- А ты сходи за старым Фрицем, он возле печи, наверно, сидит. Он-то не только хроники знает, небось, сам сто лет назад с колбасой ходил.

Все засмеялись, кто-то заметил, что Фриц не так уж и стар, как прикидывается, а мальчишка уже выскочил за дверь. Вскоре он привел старика, весьма довольного тем, что нашлись слушатели для его воспоминаний. Ему сообщили, что, по словам мастера Готфрида, в 1540 году колбаса была длиной 302 аршина.

- Так говорят, подтвердил старый Фриц. – А в 1558 году я нес с другими подмастерьями колбасу длиной 403 аршина.

- А еще, какие колбасы были? - не унимался любопытный отрок.

- Длинные и вкусные, - засмеялся старик. – Вот в 1583 году мы сделали колбасу, которая весила 434 фунта, была длиной 596 аршин, и несли ее много людей - 91 человек.

Все присутствовавшие мясники еще долго вспоминали рассказы о праздниках и обсуждали, какой же получится колбаса нового столетия.

Колбаса и в самом деле получилась рекордная – 1005 аршин, весом 585 фунтов, и несли ее 103 подмастерья.

Пекари Кенигсберга тоже прошли с процессией. Они несли 6 сдобных караваев с изюмом, каждый диаметром 5 аршинов. На их изготовление пошло 12 ведер муки. Пекли же их в двух печах.

Обе процессии пришли сначала в Замок, где высокое общество отведало подношения, затем процессии проследовали к ратушам трех городов, где старшие советники и настоятели городских церквей произвели «вкусовую пробу», как это называлось. А в заключение этого знаменательного дня, 1 января 1601 года, участники процессий, надо думать, проголодавшиеся от своих хождений, совместно уничтожили остатки колбасы и караваев, запивая пивом, сваренным для этого случая.

Хвостатый спасатель

В 1620 году на Кенигсберг обрушился мощный шторм, пригнавший воду из залива, да еще шел сильный ливень. Река вышла из берегов, ее бурный поток сорвал Потроховый мост (Кеттельбрюкке), на котором, к несчастью, оказался пешеход. Барахтаясь в воде, он тщетно звал на помощь: людей поблизости не было. Уже теряя силы, человек увидел, что к нему плывет пес. Его крупная голова торчала из воды, а лапами он быстро работал, приближаясь к человеку. Надежда на спасение придала несчастному сил, он в каком-то броске вцепился в хвост собаки, и она потащила его к берегу.

Ощувив под ногами твердую землю, человек встал, и по колена в воде, шатаясь, побрел за спасителем.

А в это время пастор Кафедрального собора, увидев, что вода затопила первый этаж его домика, стоявшего на Хофгассе, позвал своего слугу Петера и велел добыть лодку, чтобы отправиться в собор. Жена пастора и его сестра, жившая с ними, стали отговаривать от опасного плавания. Они громко говорили, перебивая друг друга и воздевая руки к небу. Но пастор очень беспокоился о соборе, хотел своими глазами увидеть, сколь велик ущерб, нанесенный наводнением, и, если можно, что-то сделать для спасения церковного имущества.

Петер нашел лодку, пастор спустился в нее, будто в шлюпку, отплывающую к берегу только что открытой земли, где таятся неведомые опасности. Впечатление усиливали причитания женщин и возгласы соседей, высунувшихся из окон верхних этажей домов, стоявших неподалеку. Но долг превыше всего, и пастор пустился в путь.

Когда он добрался до Кафедрального собора, масштаб наводнения еще более потряс его. Он увидел, что по улицам можно было передвигаться только на лодках, а проплывавший мимо в своей лодке булочник крикнул, что Альтштадтскую ярмарку совсем затопило.

Тут они увидели большого пса и бредущего за ним человека. Петер радостно закричал, подзывая собаку, пастор тоже обрадовался, узнав своего пса. Он велел направить лодку к человеку, с которого ручьем текла вода, и, конечно, к верному псу. Затем пастор, спасенный, спаситель и Петер, налегавший на весла, повернули к площади, на которой высилась громада Кафедрального собора.

В соборе вода стояла почти по колено, на скамьях, как воробьи, сидели ребяташки, которые еще рано утром пришли в школу, спрятались от урагана в соборе, а теперь боялись выйти.

Пастор подбодрил их, сказал утешительные слова, а сам в это время еще и осмотрел Кафедральный собор, но большого урона не обнаружил. Взбодрившись, он отправил Петера с несколькими мальчиками домой, наказав, чтобы родители на лодках прибыли за остальными. Сам же пастор, сопровождаемый хвостатым спасателем, поднялся в башенную часть собора и, глядя в окно на затопленную площадь, обратился к Богу с молитвой.

Тайна Голубой башни

В 1378 году великий магистр Тевтонского ордена Винрих фон Книпрде собрал конвент, а также городские советы Альтштадта, Лебенихта и Кнайпхофа. В зале Орденского замка было сумрачно, несмотря на то, что пылали факелы, укрепленные на высоких подставках. В колеблющемся свете сверкали мечи, секиры, изогнутые сабли неверных, украшавшие стены зала.

Городские советники настороженно поглядывали на магистра, который выглядел старше своих 27 лет. В полной тишине магистр негромко, как-то буднично произнес:

- Я решил обнести стеной все три города. Господа советники, вы должны организовать работы. Издержки будем нести поровну.

Советники переглянулись. Общее согласие выразил бургомистр Лебенихта:

- Это мудрое решение. Стены защитят нас от набегов литовцев.

Справедливости ради, надо сказать, что набеги литовцев были формой отмщения за ежегодные рыцарские походы, которые организовывал Тевтонский орден. В этих походах литовцы теряли своих детей, которых утаскивали крестоносцы, лишались имущества, а многие утрачивали и жизнь.

Но вернемся на собрание, которое проводил великий магистр. Он повелел возвести не только стены, но и сторожевые башни.

Каждая башня получила свое имя. Одна из них некоторое время называлась Голубой. В 1553 году придворному художнику Генриху Кенигсвидеру поручили оформить эпитафию. Ее поместили в Кафедральном соборе. Художник раскрасил свое произведение. На фоне голубого неба он изобразил Голубую башню со шпилем, и, вероятно, чтобы она не сливалась с небом, сделал ее белого цвета.

В 1697 году возле Голубой башни собралась толпа. Она была меньше, чем всего три месяца назад, когда встречали Великое посольство из далекой Москвы, но все же весьма внушительной. Матери крепко держали маленьких детей за руки и наказывали им не смотреть в глаза ведьме.

Вездесущие мальчишки шныряли в толпе, бегали к городским воротам, что-то высматривая вдали. Но вот появился запыхавшийся паренек и с восторгом и ужасом закричал:

- Везут!

Показалась повозка, на которой со связанными впереди руками стояла девочка. У нее было испуганное маленькое личико, худенькое тело, и вряд ли, кто-нибудь дал бы ей ее четырнадцать лет. Но толпа видела не объятую ужасом ребенка, а ведьму, которую несколько уважаемых граждан обвинили в колдовстве. Колдовство же заключалось в том, что на ее прелестное личико заглядывались почтенные бюргеры, которых за это нещадно ругали, а то и поколачивали законные жены. Объяснить свой интерес к красивой девочке проще всего было колдовством.

И вот повозка с «колдуньей» въехала на площадь перед Кнайпхофской ратушей. Послышались проклятия, некоторые добрые бюргеры старались плюнуть на «колдунью». Какая-то истеричная мамаша завопила, обращаясь к своему чаду:

- Смотри, смотри, за ее плечами стоит дьявол!

Дети на площади заревели на разные голоса, раздались призывы убить исчадие ада. Но стражники, растолкав толпу, завели девушку в Голубую башню, где ей предстояло томиться больше года. Да и когда ее освободили, доброго отношения от жителей родного города она не ждала и покинула Кенигсберг.

Вскоре, в период Барокко, решили подновить крепостные сооружения. Тогда то ли по ошибке, то ли из тайных побуждений Пороховую башню покрасили в синий цвет, а Голубую в зеленый. И на долгие годы название Голубая башня перешло к бывшей Пороховой.

В 1735 году, когда нравы несколько смягчились, обвинений в колдовстве стало поменьше, Голубая башня, ставшая необитаемой, была разрушена. Но горожане привыкли к названию и передали его Угловой башне. Эта башня не очень радовал взгляд. Многим жителям Кнайпхофа ее зубцы казались уродливыми, советники, выражая желание сограждан, предложили улучшить Голубую башню. Размышления над улучшением внешнего вида сооружения длилось долго, больше столетия, и только в 1897 году Голубая башня получила шатровую кровлю.

Дуэль Иммануила Канта

Все, кто читал «Трех мушкетеров» А. Дюма помнят, что мудрый кардинал Ришелье запретил дуэли, так как государство несло большие потери от гибели дворян, людей отважных и нужных королю. Но эта дворянская традиция долго сохранялась в разных европейских странах. Среди тех, кто не раз бросал или получал вызов, были замечательный поэт, драматург, ученый Сирано де Бержерак, один из создателей неевклидовой геометрии Янош Бойяи, да и наш Александр Сергеевич Пушкин до рокового поединка на Черной речке имел 13 дуэлей. Как ни удивительно, но и философски спокойный и рассудительный Иммануил Кант попал в дуэльную историю.

Это произошло в молодые годы великого философа, когда «изящный магистр» любил бывать в компаниях, обсуждать театральные постановки и политические новости. И вот однажды Кант прогуливался с друзьями в одном из увеселительных садов Кенигсберга. К ним присоединилась еще одна небольшая компания, в которую входил не знакомый Канту молодой человек. Разговор зашел о политике, о сведениях, которые доставили купцы, чьи корабли пришли из Америки, из английских колоний.

Кант не упускал случая иронично и энергично высказаться о политике Англии в отношении ее заокеанских территорий. Его слова возмутили незнакомца, который с резкими словами набросился на Канта. Но тот легко и добродушно парировал замечания собеседника.

- *Я – Джозеф Грин, сударь, - вскричал незнакомец, - и я имею честь быть англичанином! Я требую извинений или сатисфакции!*

- *Извольте, - хладнокровно ответил Кант, - но прежде дослушайте меня до конца.*

Вся собравшаяся компания выразила желание услышать рассуждения философа. Он изложил свой взгляд на свободу:

- *Никакое правительство не может обязать и поставить народ в такое положение, когда он не может двигаться вперед. Критерий всего того, что принимается как закон для того или иного народа, заключается в вопросе: принял бы сам народ для себя такой закон. Согласитесь, уважаемый господин Грин, что американские колонисты имеют право принимать такие законы, которые соответствуют условиям и особенностям их страны.*

Джозеф Грин оказался вовлечен в мирную дискуссию, которая закончилась рукопожатием. С тех пор английский коммерсант, бывший всего двумя годами младше Канта, стал лучшим другом философа. Вся его предпринимательская деятельность протекала в Кенигсберге, но в Англии у него оставались сестра, которую он часто навещал. Он всегда доставлял Канту научные и политические новости со своей родины.

Друзья ежедневно общались до самой смерти Грина в 1786 году. Кант утверждал, что обсуждал с Грином все главные идеи «Критики чистого разума».

По-видимому, только Иммануилу Канту удалось в результате вызова на дуэль обрести лучшего друга, прекрасного собеседника, пунктуальнейшего человека, который приучил и философа быть отменно точным, так, что жители Кенигсберга по нему сверяли часы.

Гром, молния и ... Кант

Над Кенигсбергом гремела гроза, сверкала молния, а от раскатов грома, казалось, содрогается дом. Дети кондитера Вагнера вместе с кошкой забрались под кровать, а их мать, с трудом удерживаясь, чтобы не присоединиться к ним, вцепилась в руку мужа и вскрикивала при каждой вспышке молнии.

- *Успокойся, Линда, - уговаривал ее супруг, - видишь на шпилье нашей кирхи флюгер с ангелом? Он защитит нас.*

- *А матушка говорила, что в 1747 году молния попала в шпиль, и наша Хабербергская кирха сгорела дотла. Даже гробницы в подвале были уничтожены.*

- *Линда, не бойся, теперь на шпилье ангел и...*

Вагнер не успел закончить свою мысль, как в шпиль ударила молния. Кирха осветилась каким-то призрачным светом, а затем огонь от башни побежал по крыше, разгораясь, все сильнее...

На следующий день Вагнер, стоя перед дверями своей кондитерской в окружении соседей и постоянных покупателей, рассказывал о том, как прямо на его глазах молния ударила в фигурку ангела на шпилье.

Собеседники вспомнили о том, что точно так же молния разрушила Лебенихтскую кирху в 1695 году, а потом в 1764 году.

- *Я помню, - с жаром сказал толстый Петер, - в 1764 году ее горящая башня упала на детский приют, тогда погибли дети и монахиня.*
- *А мой отец, когда был мальчишкой, видел, как молния ударила в Нойросгартенскую церковь, и витражи со звоном рушились, потому что свинцовые перемычки расплавились и больше не держали стекол, - ни к кому не обращаясь, глядя куда-то вдаль, сказал высокий старик.*
- *Так это в прошлом веке было, я знаю, - ответил ему Вагнер.*
- *В 1697 –м, - кивнул старик, не отрывая взгляда от горизонта.*
- *Надо что-то делать, - решительно заявил толстый Петер.*
- *На все воля Божья, - возразил ему Вагнер.*
- *Не может Бог посылать молнию на свою церковь, - продолжил свою линию Петер, - надо посоветоваться с профессором Кантом.*

На том и порешили.

Депутация бюргеров обратилась в магистрат с просьбой защитить церкви, башни и другие городские сооружения от попадания молний. Магистрат направил письмо в университет. Физик Ройш предложил проект громоотвода. Городские советники сомневались в его эффективности. Третьим судьей был выбран, конечно, Иммануил Кант – самый авторитетный ученый того времени.

Философ ознакомился с проектом и сделал свои замечания. Он полагал, что **«отводное устройство должно предназначаться лишь для того, чтобы убирать с металлического покрытия башни материю стихии, а не для того, чтобы извлекать ее из грозových облаков. Поэтому его надлежит изготовить без заострения и прикрепить к штанге и медным листам наверху».**

Мысль о том, что отводное устройство может извлекать молнии из грозových облаков, привела членов магистрата в ужас. Они остановили дело на неопределенное время. Молния в очередной раз ударила в башню, вызвав пожар. Снова бюргеры побежали за советом к Канту, и снова философ указал на необходимость ставить громоотвод.

Обсуждение проекта возобновилось. С немецкой дотошностью вникали в детали, долго решали, как сделать заземление: просто в грунт или в водоем. Проблема казалась бесконечно сложной, а потому требовавшей для решения бесконечного времени. Только твердая позиция Канта, его настойчивость и его прочный авторитет позволили свести эту бесконечность «всего» к девяти годам, и в 1783 году на Хабербергской кирхе, к тому времени отремонтированной, появился первый в Кенигсберге громоотвод.

... Последняя летняя гроза, казалось, никогда не кончится. Линда, жена кондитера Вагнера, как всегда дрожала и молилась, держа мужа за руку. Ночное небо пронзила особо яркая вспышка молнии, она ударила в штырь на колокольне Хабербергской кирхи и будто втянулась в него. Колокольная осталась неповрежденной.

- *Благослови Бог, профессора Канта, - прошептал Вагнер.*

Корабли на дне Прегеля

24 ноября 1798 года профессор Кант встал, как всегда рано, вышел в столовую, где на столе уже стоял стакан некрепкого чая, от которого поднимался парок. Он взял стакан, ощущая тепло двумя руками и бездумно глядя в еще темное окно. И даже слегка вздрогнул, когда запахнулась дверь и на пороге появилась кухарка с перепуганным лицом.

- *Господин профессор, -* каким-то зловещим шепотом сказала она, - *в колодцах пропала вода!*

Кант несколько секунд молча смотрел на кухарку, потом поднялся и пошел к дверям. Уже выходя из столовой, он обернулся и мягко сказал: *«Не волнуйтесь, я уверен, что это имеет объяснение».*

Вопреки своему обыкновению профессор Кант не прошел в кабинет к письменному столу. Он неторопливо оделся, вышел на улицу и направился к Зеленому мосту, намереваясь подумать о необычном явлении. Но по мере приближения к Прегелю ему встречались люди, которые, несмотря на ранний час, бежали к реке. Их возбуждение вызвало беспокойство старого философа, и он чуть ускорил шаг.

Рассвет уже наступил. Кант вместе с другими спешившими к Прегелю людьми вышел на набережную. Его взору открылось поразительное зрелище: в Прегеле не было воды! Корабли стояли прямо на дне, на котором кое-где поблескивали маленькие лужицы.

Люди, собравшиеся на берегу, стояли в каком-то оцепенении. Кто-то шептал молитвы, кто-то причитал, что Бог прогневался на Кенигсберг и осушил реку и все колодцы, и теперь все погибнут.

Плотный, тепло одетый господин узнал Канта и почтительно спросил, что думает об этом чуде уважаемый профессор. Тут же раздался истеричный голос:

- *Это все из-за них, университетских профессоров! Установили летом свой водомер, вот Прегель и прогневался.*

Кант вспомнил, что действительно с 10 июля этого года стали систематически наблюдать состояние воды в реке, установив водомер. И он с сочувствием в голосе стал успокаивать окружающих его людей:

- *Это явление имеет, конечно, вполне естественные причины. Я думаю, что ветер, который дул всю ночь каким-то образом повернул воды Прегеля и источников, питающих колодцы. Когда ветер переменится, вода вернется.*

Сказав это, профессор Кант повернулся и медленно пошел вдоль реки, рассматривая суда, стоявшие непривычно низко, так, что их мачты едва возвышались над берегом.

Он вспоминал, что давно, когда ему было лет 12, значит в 1736 году, на Прегеле велись гидротехнические работы. Тогда углубили реку, и она стала судоходной. А в 1741 году (он уже был студентом Кенигсбергского университета) воздвигли плотину, и Новый Прегель стал главным руслом.

Как давно это было! Кант покачал головой и вновь вернулся мыслями в прошлое.

Январь 1761 года. Он молод, любознателен, с интересом смотрит на необычное зрелище, которое разворачивалось на льду Прегеля. Вокруг проруби стоят русские офицеры в парадных мундирах, среди них недавно назначенный губернатор Восточной Пруссии Василий Суворов с непокрытой головой, а рядом с ним в расшитых золотыми нитями одеждах возвышается православный священник. Как пояснил Канту один из его знакомых русских офицеров, происходит *водосвятие*. При каждом погружении креста в воду раздается пушечный залп. Стреляют пушки, установленные на льду Прегеля. И точно так же, как сейчас, на берегах толпятся люди...

Профессор Кант оглядел берег, заполненный горожанами, почувствовал, что устал и повернул к дому. Он медленно уходил от реки его детства, с которой связано так много воспоминаний, а жители старого города узнавали его и расступались перед почтенным философом.

Кабинет природы

Каждое событие имеет корни, зачастую так далеко удаленные от него, что о них и забывают. И тогда явления связывают поговоркой «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Но и между бузиной в огороде и киевским дядькой можно обнаружить звенья, их соединяющие, и в событиях, о которых расскажут биографы великих людей, можно выявить отголоски прошлого.

Вот и в 1696 году, когда в семье купца Сатургуса услышали первый крик родившегося младенца, никто не знал, что о нем будут вспоминать не только в связи с его деяниями, но и в биографии великого философа Иммануила Канта.

- Мы назовем его Фридрихом, как нашего курфюрста, - сказал счастливый отец.

- И у него будет свое княжество, - улыбаясь, сказала мать, - я подарю ему сад, доставшийся мне от родителей.

Этот огромный сад, тянувшийся вдоль Прегеля, с многочисленными домиками, стоявшими вдоль Нойграбена (Нового рва), в самом деле, казался юному Фридриху целой страной. (В современном Калининграде это место приблизительно там, где находится Юридический институт МВД, лицей № 23).

Дети арендаторов-ремесленников, населявших эти домики, были товарищами Фридриха Сатургуса по веселым играм, по зимним забавам на льду реки. Во всех играх он старался командовать ребятами, представляя себя полководцем, великим магистром Немецкого ордена, курфюрстом. И часто в его воображении на месте домишек, окруженных изгородью из

путьев, вставал дворец с широкой лестницей. Он видел себя на широких ступенях, оглядывающим свое княжество.

Эти мечты он осуществил, став, как и его отец, удачливым купцом. Он снес домишки, в которых некогда жили товарищи его детских игр, и в 1753 году на их месте возвел дворец с широкой лестницей. Запущенный сад, больше похожий на лес, в глубине которого во дворце спит принцесса, Фридрих Сатургус превратив ее единственный в Восточной Пруссии парк, разбитый в стиле рококо. Парк украсили искусственные возвышенности, лабиринт и фонтаны, к которым был проведен водопровод. Этот дорогостоящий водопровод особенно поражал воображение жителей Кенигсберга.

Но недолго упивался созданной им красотой Фридрих Сатургус. Он скончался в 1754 году, оставив родному городу изрядную сумму на благоустройство, а сад племянникам. Благодарные кенигсбержцы назвали его именем улицу в Нижнем Росгартене, а племянники поклялись бережно ухаживать за парком.

В 1758 году Восточная Пруссия стала российской провинцией, а Адольф и Фриц Сатургусы – российскими подданными. Они с большой пользой для себя воспользовались этим обстоятельством: занялись поставками зерна из России, торговлей им и значительно увеличили свое состояние. Это позволило им выполнить обещание, данное на похоронах дяди. Сатургусы не только украсили парк скульптурами, но и устроили во дворце кабинет Природы.

- Я думаю, что ухаживать за нашим кабинетом Природы должен профессор университета, - сказал Фриц, оглядывая витрины с коллекциями бабочек, жуков, минералов.

- Может быть, пригласить «изящного магистра»? – предложил Адольф.

- Согласен. Наш банкир о нем хорошего мнения, - ответил Фриц.

- Такого хорошего, что поручает ему сопровождать на спектакли свою жену, - фыркнул Адольф.

- Тем более, можно доверить ему наш кабинет, - улыбаясь, заметил брат.

И «изящный магистр» - Иммануил Кант – стал хранителем кабинета Природы, первого музея Кенигсберга.

Он весьма добросовестно относился к обязанностям: описал все экспонаты, живо рассказывал о них именитым гостям купцов Сатургусов. И именно там, рассматривая насекомое, заключенное в янтарь, Кант произнес слова, которые непременно сообщают его биографы: ***«Ах, если бы ты могло рассказать, что ты пережило в свою эпоху, мы многое могли бы узнать о жизни Земли».***

Кенигсбергское собачье кладбище

Советник Кронекер с утра пребывал в печальном настроении: Альма – старая, добрая собака, давно ставшая членом семьи, теряла последние силы. Она с любовью смотрела на хозяев, приветливо шевелила хвостом, но подняться с толстой подстилки возле голландской печки уже не могла. Жена советника не отходила от собаки, гладила ее, и слезы струились по осунувшемуся лицу женщины.

«Она умирает», - с отчаянием сказала жена советнику, - и тут же задала озадачивший его вопрос: «Как мы похороним ее?»

Кронекер не нашелся с ответом и по дороге в ратушу снова и снова мысленно возвращался к разговору с женой. В ратушу он вошел с таким сурово задумчивым видом, что коллеги, разговаривавшие возле лестницы, замолчали и с тревогой воззрились на него. Кронекер отдал служителю шляпу и, тяжело ступая, прошел в зал заседаний.

Один из присутствовавших решился обратиться к нему:

- Господин Кронекер, осмелюсь спросить, все ли у Вас в порядке, здорова ли супруга?

Советник тяжело вздохнул и сообщил, что супруга здорова, но пребывает в горести в связи с тем, что верная Альма покидает их навсегда. «Я хотел бы установить надгробие, чтобы написать несколько слов, но не знаю, как это сделать, где установить его» - неожиданно вырвалось у Кронекера. К его удивлению, коллеги серьезно отнеслись к этой проблеме.

- Давно надо решить вопрос о кладбище для собак, - заявил господин Эберт.

Коллеги его поддержали, вспомнили несколько трогательных историй о преданности собак, о том, как горько терять четвероногих друзей. И в тот же день подготовили постановление магистрата о том, что западнее улицы Холландербаумштрассе (ныне набережная Маршала Баграмяна) на месте уже снесенной улицы Эрлихсхаузенштрассе следует организовать Собачье кладбище. В постановлении указывалось также, что разрешены надгробия с указанием кличек и высказываниями хозяев, но кресты запрещены.

После заседания советник Кронекер поспешил домой. Верная Альма дождалась хозяина, в последний раз лизнула его руку и закрыла свои умные глаза. Кронекер и его жена, вздыхая и утешая друг друга, принялись сочинять эпитафию. А на следующий день советник проследил за рабочими, огородившими указанный в постановлении участок, и на карте Кенигсберга появилось Собачье кладбище.

Пророки в городе чистого разума.

1816 год, Королевский сад (сейчас это улица Университетская, университет, «Ромашка» и т. д.). По дорожкам прогуливаются дьякон Альтштадтской кирхи Иоганн Вильгельм Эбель и доктор Брантнер, с

которым он недавно познакомился в доме своих друзей. Доктор Брантнер приехавший в Кенигсберг из Вены, говорил с негодованием, чуть громче, чем было принято:

- Как хотите, господин Эбель, но Ваш Шенгерр – шарлатан. Подумать только, он утверждает, что небо – это твердый свод со многими дырками, через которые проникает первосвет, хотя люди думают, что это – звезды. И это в городе, где есть обсерватория, которую возглавляет профессор Бессель!

- Нет-нет, господин доктор. Иоганн Генрих Шенгерр вовсе не шарлатан. Он – пророк. Он получил указание через Божественное откровение. Ему открылась великая истина.

- Дырки в своде – это не истина, а полная глупость.

- Господин доктор, истина, которую возвещает Шенгерр, заключается в том, что мир создан из двух первоначал. Одно первоначало - деятельное, мужское, это – огонь. А женское первоначало является страдательным, это – вода. И все люди распадаются на светлые и мрачные натуры, среди них есть главные и побочные.

- Чушь, - фыркнул доктор, - в 1438 году здесь, в Кенигсберге, уже были люди, хваставшие божественным внушением, и в 1636-м «пророк» Гиффтайль объявлял о своем учении, но нравы тогда были попроще, их всех объявили фальшивыми проповедниками, применили раз-другой пытки, и дело закрылось.

- Это жестоко, это темнота людская, - горячо возразил дьякон.

- Вот-вот, только темные люди верили им, а сейчас-то век Просвещения, да и вы – служитель церкви, а Шенгерр, по-вашему, не шарлатан, а просто святой. Смотрите, плохо это все кончится.

Гость из Вены как в воду глядел. В ту самую воду Прегеля, на которую «пророк» Шенгерр спустил построенным им большой корабль. На этом корабле сторонники «пророка» собирались отправиться в дальние края, чтобы проповедовать истину. Но, похоже, что и о кораблестроении Шенгерр знал не больше, чем об астрономии. Его «ковчег» тут же пошел ко дну.

Однако и эта неудача не отвратила поклонников от «пророка». Дьякон Эбель продолжал пропагандировать дуализм Шенгерра, т. е. учение о двух началах – мужском и женском. Правда, Эбель с 1819 года несколько отдалился от учителя, который требовал от любящего поест дьякона строгого аскетизма.

Занявшись самостоятельной пропагандистской деятельностью, Эбель имел шумный успех своими проповедями о том, что христианскую мораль следует оживить. Особенно его речи нравились дамам, принадлежавшим высшему обществу. Их привлекали рассуждения о том, что только через грех, испытав все, что осуждается обществом, человек может прийти к истинно правильной жизни. Только познав зло, сотворив его и раскаявшись, можно стать праведником.

Дамы, чьи похождения, как необходимая ступень к праведности, одобрялись Эбелем, не покинули своего наставника и после того, как ему пришлось уйти в отставку с поста дьякона.

Если Шенгерр был теоретиком, то Эбель – практиком. Он сагитировал проповедника Хабербергской кирхи Дисталя, и они вместе принялись распространять новое учение. На исповеди к ним приходили искатели приключений, скучающие бездельники и просто обыватели. Друзья извлекали немалую прибыль из нового учения.

Можно сказать, что они до сайентолога Хаббарда сообразили, что создание собственной религии может быть рентабельным. И итог был похожим.

Дело кончилось судебным процессом, который длился с 1835 по 1839 год, и вызвал в Кенигсберге сильное волнение.

Друзьям предъявили обвинение не только в сектантской деятельности, но и в безнравственном поведении, к которому они склоняли подопечных, якобы для того, чтобы закалить их и оградить от плотских желаний.

Главным свидетелем выступал крещеный еврей профессор Закс, которому пришлось приложить много усилий, чтобы вылечить нервные расстройства у некоторых последователей данного учения.

Защищаясь, обвиняемые пытались разжечь антисемитские настроения. В результате процесс приобрел совсем скандальный характер.

Все закончилось тем, что Дисталья обвинили в распространении ереси, и отправили в отставку. В приговоре суда значилось, что Эбель «распространял учение, противоречащее основам христианства, и применял его в сексуальной сфере. И хотя, по его замыслу, целью было спасение, это учение по своей природе было вредно для физического здоровья и могло привести к моральному пороку».

Многие жители Кенигсберга были недовольны мягкостью приговора, полагая, что место бывших церковников в тюрьме, и считали, что участники секты, принадлежавшие высшему обществу, приложили руку к тому, что суд принял столь снисходительное решение.

В Вене, за утренним кофе, доктор Брантнер читал вслух письмо от друга из Кенигсберга. Новости о завершении процесса вызвали его бурное одобрение:

- Шарлатанов поставили на место! Подумай только, Марта, в Кенигсберге, в городе чистого разума, такое мракобесие: лжепророки, лжесвященники!
- Ах, милый, в Кенигсберге всегда пышно цвела фантазия и мистика, - ответила Марта, разделявшая рационализм супруга.